

Однажды много лет назад (все, о чем я рассказываю, случилось в такие древние времена, что о них никто ничего не помнит), на склоне одного из холмов Греции забил источник. Насколько мне известно, он существует и сейчас, спустя много тысяч лет. Как бы то ни было, однажды к прохладному источнику, струившемуся по

склону холма в золотом зареве заката, приблизился красивый юноша по имени Беллерофонт. В руках у него была узда с золотыми удилами, украшенная драгоценными камнями. Увидев у источника старика, мальчика, мужчину средних лет и девушку, которая черпала кувшином воду, Беллерофонт остановился и попросил у девушки напиться.

– Эта вода восхитительна, – сказал он, осушив кувшин и наполняя его снова. – Не знаешь ли ты, как называется этот источник? – Его зовут источником Пирены, – отвечала девушка и, помолчав, прибавила: – Моя бабушка рассказывала, что этот прозрачный источник был некогда прелестной женщиной, которая истаяла в слезах, после того как ее сын был пронзен стрелой Дианы. Вода, которую ты находишь такой восхитительной, – это горькие слезы бедной матери.

– Я бы никогда не подумал, что такой прозрачный и быстрый родник, пробившийся из мрака на солнечный свет, мог заключать в себе хотя бы одну слезинку, – проговорил юноша. – Так это и есть

Пирена? Спасибо, что ты назвала это Поселянин, который привел на водопой корову, внимательно посмотрел на Беллерофонта и на великолепную узду в его руках.

- В твоей стране, верно, высохли все ручьи, если ты пришел издалека к источнику Пирены, - заметил он. - Уж не потерял ли ты лошадь? Я вижу у тебя в руках дорогую узду, украшенную двойным рядом сверкающих камней. Если лошадь была так же красива, как и ее узда, ты должен очень жалеть о такой потере.

- Я ничего не потерял, - с улыбкой произнес Беллерофонт, - я только ищу одну чудесную лошадь, которая, как сообщили знающие люди, может быть где-то здесь. Не знаешь, навещает ли крылатый конь Пегас источник Пирены, как бывало раньше?

Поселянин громко расхохотался.

Некоторые из вас, мои маленькие друзья, вероятно, слышали, что Пегас был конем снежно-белой масти с красивыми серебристыми крыльями. Большую часть времени он проводил на вершине горы Геликон или, подобно орлу, носился в облаках. Его воздушный полет отличался дикостью, быстротой и легкостью. У него не было

товарищей, так как в мире не было никого, подобного ему, никто никогда не садился на него, и в течение долгих лет Пегас был одинок и счастлив.

О, как хорошо быть крылатой лошадью! Пегас, который обыкновенно проводил ночи на горной вершине, а дни - в воздухе, с трудом мог называться земным созданием. Когда он летел в лазурной высоте, а его серебристых крыльев касались солнечные лучи, казалось, он принадлежит небу, а когда он спускался к земле, казалось, будто он заблудился и ищет дорогу в тумане. Порой он нырял в пушистое облако, на пару мгновений теряясь в нем, а после снова появлялся с другой стороны. А если шел дождь и серая завеса туч заволакивала небо, крылатый конь, спускавшийся сквозь нее, приносил с собой лучи света из заоблачной выси. Правда, в следующее мгновение и свет, и Пегас уже исчезали, но всякий, кому удавалось наблюдать это удивительное зрелище, становился веселым на целый день, как бы долго не шел дождь.

Летом, в хорошую погоду, Пегас частенько спускался на землю, складывал свои серебряные крылья и носился по холмам и долинам, подобно ветру. Пегаса нередко видели у источника Пирены, где он пил воду или валялся на мягкой траве, или лакомился сочным клевером.

Прадеды местных жителей (пока они были молоды и верили в существование крылатой лошади) любили навещать к источнику Пирены в надежде хоть мельком увидеть прекрасного Пегаса.

Но потом он стал появляться здесь крайне редко. Те, кто жили в получасе ходьбы от источника, никогда не видели Пегаса, а потому не верили в его существование. Селянин, с которым беседовал Беллерофонт, был как раз из тех, кто не верил в Пегаса, а потому рассмеялся, услышав о крылатом коне.

- Пегас?! - воскликнул он, как можно выше задрав курносый нос. - Крылатый конь? В самом деле? В своем ли ты, друг, уме? И зачем лошади крылья? Неужели ты думаешь, что они могут понадобиться ей, чтобы таскать за собой плуг? Конечно, у такой лошади меньше стираются подковы, но зато разве приятно было бы ее хозяину видеть, как она улетает в окно конюшни и мчит за облака, когда он собрался съездить на мельницу? Нет, нет, я не верю в Пегаса! Такой странной птицы-лошади никогда не существовало!

- А я думаю иначе, - спокойно проговорил Беллерофонт и обернулся к старику, который внимательно прислушивался к их разговору, вытянув шею и приложив руку к уху, чтобы лучше слышать. - Ну, а ты что скажешь? - спросил молодой человек. - Вероятно, в молодости тебе часто приходилось видеть крылатого коня?

- Моя память очень слаба, юноша, - отвечал старик, - но, насколько я помню, в молодости я, как и все, верил в существование такой лошади. Теперь же, право, я не знаю, что думать о Пегасе, так как, говоря откровенно, он меня мало занимает. Если я и видел Пегаса когда-нибудь, то это было давным-давно, и, сказать по правде, я даже сомневаюсь, было это или нет. Однажды когда я был еще мальчиком, я заметил следы копыт у источника, но Пегас оставил эти следы или какая-нибудь другая лошадь - не знаю.

- А ты, красавица, никогда не видела его? - спросил Беллерофонт у девушки. Пока шел разговор, она стояла, держа кувшин на голове. - Думаю, если кто и видел Пегаса, так это ты: неспроста у тебя так блестят глаза.

- Кажется, я один раз его видела, - отвечала девушка, краснея и смущенно улыбаясь. - Не то Пегас, не то большая белая птица очень высоко летела в воздухе. А другой раз я пришла с кувшином к источнику и услышала конское ржание, но такое приятное и веселое, что мое сердце забилося от радости при этом звуке. Однако эти звуки так испугали меня, что я убежала, забыв наполнить кувшин.

- Жаль, что так случилось! - проговорил Беллерофонт.

Последним он обратился к ребенку, который, разинув рот, пристально смотрел на него.

- Ну а ты, малыш? Наверное, ты часто видел крылатую лошадь?

- Случалось! - охотно откликнулся мальчик. - Я видел его вчера и много раз прежде.

- Ты славный мальчуган, - заметил Беллерофонт, привлекая ребенка к себе. - Ну-ка, расскажи мне, как это было!

- Я часто хожу сюда пускать кораблики и собирать красивые камешки, - отвечал малыш. - Я глядел на воду и не раз видел в ней отражение летящего в небе крылатого коня. Мне очень хотелось, чтобы он спустился, позволил сесть себе на спину и унес меня на луну, но едва я успеваю его заметить, как он улетает прочь!

И Беллерофонт поверил ребенку, видевшему отражение Пегаса в воде, и девушке, слышавшей его мелодичное ржание, а не селянину, который признавал только ломовых лошадей, и не старику, забывшему юношеские годы.

С тех пор Беллерофонт часто приходил к источнику Пирены и пристально смотрел то в небо, то на воду в надежде увидеть отражение крылатого коня или его самого. На всякий случай он всегда держал наготове украшенную драгоценными камнями узду с золотыми удилами.

Зачастую селяне, пригонявшие скот на водопой, смеялись над Беллерофонтом, а порой даже отчитывали его. Такой крепкий и славный юноша, по их мнению, не должен был терять время даром. Они предлагали купить у них лошадь, если она ему так нужна, а когда Беллерофонт отказывался, просили его продать великолепную узду.

Даже местные мальчишки считали Беллерофонта глупцом и насмехались над ним, не заботясь о том, что он все видит и слышит. Обычно один из них изображал Пегаса, выделявая невообразимо

причудливые прыжки, что должно было обозначать воздушный полет, а его товарищ бежал следом за ним с пучком тростника, который заменял ему узду.

Только тот скромный и тихий мальчик, который видел отражение Пегаса в воде, утешал Беллерофонта настолько искренне и страстно, насколько все остальные досаждали ему. В часы отдыха он часто садился возле юноши и, не говоря ни слова, смотрел в воду или на небо с такой простодушной уверенностью, что Беллерофонт невольно тут же успокаивался. Но, вероятно, вы уже давно хотите узнать, зачем понадобился Беллерофонту крылатый конь. Воспользуемся же паузой, пока он ожидает появления Пегаса у источника, и расскажем об этом.

Если бы я вздумал познакомить вас с предшествующими подвигами Беллерофонта, то легко мог бы составить целую книгу. Поэтому достаточно будет упомянуть, что в одной азиатской стране появилось ужасное чудовище по имени Химера, приносившее столько зла, что нельзя было бы пересказать за целый день с восхода и до заката солнца. Насколько мне известно, Химера была самым безобразным, опасным и удивительным чудовищем, какое когда-либо появлялось из недр земли. Бежать от нее и сражаться с нею было одинаково трудно. У нее был хвост, как у удава, а тело такое странное, что я, право, не знаю, с чем его можно сравнить. У Химеры было три головы: одна – львиная, другая – козлиная и третья – змеиная, и все они извергали пламя из своих пастей. Так как Химера постоянно жила на земле, у нее не было крыльев, хотя она и без них передвигалась так быстро, как лев, козел и змея вместе взятые.

Это ужасное чудовище причиняло одно только зло. Огненным дыханием оно сжигало леса, поля и деревни со всеми домами и жителями. Оно опустошило всю страну, так как привыкло пожирать живых людей и животных, переваривая их потом в раскаленных недрах своего желудка. Какое счастье, дети, что ни вам, ни мне ни разу не пришлось встретиться с Химерой!

Как раз в то время, когда это омерзительное животное (если только можно назвать так Химеру) появилось в Ликии, в эту страну прибыл и Беллерофонт, чтобы нанести визит царю Иобату.

Беллерофонт, как я уже упоминал, был одним из самых храбрых юношей в мире и ничего так не желал, как совершить доблестный подвиг, который заставил бы весь свет восхищаться им.

В те времена юноша мог отличиться лишь в битве с врагами родной страны или со злыми гигантами, в схватке со свирепыми драконами или дикими зверями, если, конечно, не подвораживалось чего-нибудь более опасного.

Заметив необычайную храбрость юноши, царь Иобат предложил ему сразиться с ужасной Химерой, которая грозила превратить всю Ликию в пустыню. Не колеблясь ни минуты, Беллерофонт сказал царю, что либо убьет смертоносное чудовище, либо погибнет в схватке с ним.

Однако с первого взгляда было ясно, что ему не одолеть Химеру в пешем бою, так как эта тварь была необычайно быстра и проворна. Поэтому прежде всего юноше необходимо было приобрести самого быстрого скакуна из всех существующих на Земле. Но какая другая лошадь могла сравниться с дивным Пегасом, который имел не только ноги, но и крылья, и принадлежал, скорее, небу, чем земле! Многие люди не верили в существование крылатого коня, считая все рассказы о нем не более чем выдумкой, но Беллерофонт свято верил, что Пегас существует, и надеялся найти его. Если бы юноше удалось оседлать его, он бы тотчас получил большое преимущество перед Химерой.

Это-то и было причиной, по которой Беллерофонт пришел из Ликии в Грецию с волшебной уздой в руках. Если бы только ему удалось вложить золотые удила в рот Пегаса, крылатый конь сразу же сделался бы покорен и послушен Беллерофонту, как своему хозяину, и помчал бы его всюду, куда бы тот ни захотел.

Как же томительно долго тянулось время, пока Беллерофонт ждал, когда Пегас придет утолять жажду к источнику Пирены! Юноша очень боялся, как бы царь Иобат не подумал, что он нарочно сбежал, чтобы не сражаться с Химерой. А еще ему становилось страшно при мысли о том, сколько зла сотворило чудовище, пока он, вместо того чтобы сразиться с ним, празднично сидел у источника, любясь сверкающими водами Пирены.

А так как последние годы Пегас приходил сюда чрезвычайно редко, не больше одного раза в

течение целой человеческой жизни, Беллерофонт боялся, что он состарится и утратит силу в руках и мужество в сердце, прежде чем дождется появления крылатого коня. О, как медленно тянется время для отважного, жаждущего подвигов и славы юноши! Как тяжело ждать! Жизнь коротка, а сколько ее тратится на то, чтобы научиться терпению!

Хорошо еще, что ребенок очень привязался к Беллерофонту и почти никогда не покидал его, каждое утро вселяя в юношу новую надежду вместо увядшей вчера.

- Милый Беллерофонт, - восклицал он, весело поглядывая на героя, - сегодня мы наверняка увидим Пегаса!

Если бы у мальчика не было такой непоколебимой уверенности, Беллерофонт давно оставил бы всякую мысль о Пегасе и, вернувшись в Ликию, попытался сразиться с Химерой без помощи крылатого коня. В таком случае бедный юноша в несравненно большей степени рисковал быть растерзанным ужасным чудовищем, которое могло испепелить его своим смертоносным дыханием. Не оседлав Пегаса, вряд ли кто мог надеяться на счастливый исход в битве с Химерой.

Однажды утром мальчик сказал Беллерофонту с большей уверенностью, чем обычно:

- Милый Беллерофонт, не знаю почему, но я не сомневаюсь, что сегодня мы наконец увидим Пегаса!

Весь этот день он ни на шаг не отходил от Беллерофонта: они вместе съели немного хлеба и напились воды из источника. В полдень они рядышком, приобняв друг друга, уселись в тени. Рассеянно глядя на могучие деревья, окружавшие источник, и на виноградные лозы, карабкавшиеся между их ветвями, Беллерофонт погрузился в свои невеселые мысли, в то время как мальчик внимательно всматривался в воду источника. Ребенок был очень грустен, да и немудрено: надежда на сегодняшний день, по-видимому, оказывалась такой же обманчивой, как и раньше. Две-три крупных слезы медленно скатились по его щекам и смешались со слезами Пирены, которые та пролила, оплакивая убитого сына. Но вдруг, когда Беллерофонт менее всего ожидал этого, он ощутил легкое прикосновение детской руки и услышал тихий, едва слышный шепот:

- Смотри сюда, милый Беллерофонт! Видишь это отражение в воде?

Взглянув на покрытую рябью поверхность источника, юноша действительно увидел отражение летящей в поднебесье птицы, на белоснежных с серебристым отливом крыльях которой весело играли лучи солнца.

- Какая великолепная птица! - воскликнул он. - Странно, она кажется такой большой, хотя и летит над облаками!

- Я весь дрожу, - прошептал ребенок, - и, сам не знаю почему, боюсь взглянуть на небо. Правда, это необычайно красиво, но я могу любоваться только отражением в воде. Милый Беллерофонт, неужели ты не видишь, что это не птица, а конь Пегас?

Сердце Беллерофонта тревожно забилося. Он жадно всматривался в небо, но не видел крылатое создание, которое как раз в эту минуту погрузилось в туманную глубину облака. Однако через мгновение оно вновь появилось с другой стороны, ближе к земле, хотя все еще оставалось от нее на огромном расстоянии. Схватив мальчика на руки, Беллерофонт поспешно спрятался в кусты, которые росли вдоль источника. Юноша ужасно боялся, что Пегас (так как это был действительно он), заметив его, улетит прочь на какую-нибудь неприступную горную вершину. Наконец-то долгожданный крылатый конь явился утолить жажду к источнику Пирены!

Пегас стремительно приближался, описывая круги все меньше и меньше, подобно приземляющемуся голубю. Чем меньшее расстояние отделяло его от земли, тем величественнее казались взмахи его серебристых крыльев. Наконец он спустился - так легко, что трава у источника чуть колыхнулась, а следы копыт едва отпечатались на прибрежном песке, - склонил гордую шею и принялся пить. Он вбирал в себя воду с глубокими вздохами наслаждения и, чтоб продлить удовольствие, сделал глоток, не спешил с другим. Ни одна вода на земле и на небе не нравилась Пегасу так, как эта, из источника Пирены. Утолив жажду, он пощипал немного душистого клевера, но не слишком охотно, едва касаясь его губами, так как трава на подоблачной горе Геликон нравилась ему гораздо больше.

Покончив с трапезой, крылатый конь принялся скакать и прыгать, что было для него любимейшим развлечением и удовольствием. На свете не было существа игривее Пегаса. Он весело резвился, с легкостью коноплянки взмахивая большими серебристыми крыльями и делая короткие скачки между небом и землей, которые можно было одновременно принять и за полет, и за галоп. Порой созданиям, которые умеют летать, хочется и побегать, просто так, разнообразия ради. Впрочем, Пегасу, по-видимому, стоило немалых усилий удержаться на земле.

Беллерофонт, державший ребенка за руку и осторожно выглядывавший из кустов, невольно подумал, что он никогда не был свидетелем такого чудного зрелища и ни у одной лошади не видел таких живых огненных глаз, как у Пегаса. Мысль о поимке крылатого скакуна и езде на нем показалась ему едва ли не греховной.

Раз или два Пегас, наострив уши, останавливался и, помахивая головой, осматривался вокруг, подозрительно обнюхивая воздух. Однако, ничего не обнаружив, он снова принимался за свои шалости.

Наконец Пегас сложил крылья и улегся на мягкой зеленой траве – не от усталости, а просто от лени и истомы. Однако он был чересчур непоседлив, чтобы оставаться спокойным хотя бы несколько минут, и вскоре повернулся на спину, задрал стройные тонкие ноги. Как красив был этот резвый сын воздуха! Это одинокое создание, у которого никогда не было друзей. Впрочем, он в них и не нуждался и в течение долгих столетий был абсолютно счастлив. Чем больше он делал движений, свойственных обыкновенным лошадям, тем чудеснее и загадочнее казался. Беллерофонт и мальчик затаили дыхание, отчасти от восхищения, отчасти из страха, что малейший шум или шорох заставят Пегаса с быстротой стрелы подняться вверх и исчезнуть в небесной лазури.

Наконец, когда Пегасу надоело валяться, он перевернулся и лениво, как всякая другая лошадь, вытянул передние ноги, чтобы подняться с земли. Предвидя это, Беллерофонт улучил минуту, выскочил из-за кустов и запрыгнул коню на спину.

Мальчик не мог поверить своим глазам: Беллерофонт сидел на крылатом коне!

Но какой прыжок сделал Пегас, впервые почувствовав тяжесть на своей спине! Вот так прыжок! Не успел Беллерофонт перевести дыхание, как очутился на высоте пятисот футов. Он стремительно поднимался вверх на храпевшем и дрожавшем от бешенства и страха коне, пока не погрузился в холодное мглистое облако, которым он всего несколько минут назад любовался, представляя себе очень приятным местом. Достигнув середины облака, Пегас, подобно молнии, бросился вниз, словно желая разбиться вместе с седоком о скалы. Затем он принялся выделывать тысячи самых диких скачков, каких только можно ожидать от птицы или лошади.

Я не сумею рассказать вам и половины того, что он вытворял. Он кидался из стороны в сторону, брыкался, стоя передними ногами на мглистом облаке, а задние вскидывая вверх, лягался, прятал голову между ногами, распускал крылья. Наконец, поднявшись на высоту около двух миль над землей, он неожиданно перевернулся так, что Беллерофонту, который очутился вверх ногами, пришлось смотреть на небо из-под него. Пегас повернул голову и попробовал укунуть Беллерофонта, глядя на него пылающими глазами. Он так яростно махал крыльями, что одно из серебряных перьев упало на землю и было поднято ребенком, который всю жизнь хранил его в память о Пегасе и Беллерофонте.

Но Беллерофонт (как видите, он был великолепным наездником) ждал благоприятного момента, чтобы надеть на Пегаса волшебную узду. Не успел он сделать это, как Пегас стал таким послушным, как будто всю жизнь кормился из рук Беллерофонта. Было больно видеть, что такое вольное создание вмиг сделалось совершенно ручным. Казалось, Пегас тоже почувствовал это... Когда он посмотрел на Беллерофонта, в его недавно пылающих глазах стояли слезы.

Но когда Беллерофонт потрепал коня по голове и сказал несколько повелительных, но добрых и успокаивающих слов, взгляд Пегаса стал совсем другим: он был рад найти друга и хозяина после столь долгого одиночества. Так всегда бывает с крылатыми конями и прочими одинокими созданиями. Если вам удастся поймать их и подчинить себе, они наверняка будут любить вас.

Пегас пролетел весьма значительное расстояние, прежде чем Беллерофонту удалось надеть на него узду: вдали уже показалась высокая гора Геликон. Беллерофонт несколько раз видел эту гору раньше и знал, что крылатый конь живет на ее вершине. Туда-то (после вопросительного взгляда на своего седока) и летел теперь Пегас. Спустившись на землю, он терпеливо ждал, пока Беллерофонт спешится. Спрыгнув с Пегаса, юноша крепко взял его за узду, но, встретившись с кротким взглядом коня и вспомнив о вольной жизни, которую Пегас вел прежде, ему не захотелось держать лошадь в плену насильно.

Следуя великодушному побуждению, он снял с Пегаса волшебную узду и вынул изо рта удила.

– Оставь меня, Пегас! – произнес он. – Или оставь, или полюби меня!

В мгновение ока крылатый конь скрылся из виду, умчавшись на вершину горы Геликон. Солнце давно уже закатилось, и вечерние сумерки окутывали и гору, и окрестности, но Пегас летел так быстро, что нагнал дневной свет. Поднимаясь все выше и выше, он, наконец, исчез в лазурной пустыне неба. Беллерофонт уже начал опасаться, что никогда не увидит его более, но, пока он сожалел о своем безрассудном решении, сверкающая точка появилась вновь и стала стремительно приближаться. Пегас вернулся! После этого испытания нечего было бояться, что крылатый конь убежит. Пегас и Беллерофонт стали друзьями и преисполнились доверием друг к другу.

Эту ночь они спали рядом, и Беллерофонт обнял Пегаса за шею не из опасения, что тот улетит, а просто в знак расположения.

С рассветом оба проснулись, и каждый по-своему пожелал другому доброго утра.

Беллерофонт и чудный конь провели вместе много дней, и с каждым днем все сильнее привязывались друг к другу. Они неоднократно совершали далекие воздушные путешествия и иногда поднимались так высоко, что земля казалась немногим больше луны. Они посетили множество дальних стран, и всякий раз их жители удивлялись тому, что прекрасный юноша спускался на крылатом коне с неба. Проворному Пегасу ничего не стоило пробежать несколько тысяч миль в день. А это так нравилось Беллерофонту! Он не желал ничего другого, как вечно носиться по необозримому небесному океану, дыша чистым и свежим воздухом. В то время как на земле порой бывало мрачно и холодно, там, наверху, всегда стояла ясная, солнечная погода.

Однако юноша не мог забыть, что обещал царю Иобату убить ужасную Химеру, а потому, освоившись как следует с трудностями воздушной верховой езды и приучив Пегаса слушаться не только малейшего движения руки, но и голоса, он решил исполнить свое обещание.

Однажды, проснувшись на рассвете, Беллерофонт разбудил крылатого коня, потрепав его за ухо. Пегас сейчас же вскочил на ноги и, поднявшись на четверть мили вверх, описал большой круг около горы Геликон в знак того, что он проснулся и готов пуститься в дорогу. А затем, издав громкое, веселое и мелодичное ржание, он с легкостью прыгающего на ветке воробышка спустился на землю около Беллерофонта.

– Хорошо, милый Пегас, хорошо, мой небесный скакун! – воскликнул Беллерофонт, нежно поглаживая шею лошади. – А теперь, мой проворный дружище, пора приняться за дело. Сегодня нам предстоит сразиться с ужасной Химерой!

Покончив с едой и напившись воды из родника Гиппокрены [родник на вершине горного хребта Геликон. По преданию, он появился от удара копытом крылатого коня Пегаса.], Пегас сам потянулся к Беллерофонту, чтобы тот надел на него узду.

Пока Беллерофонт готовился к битве, конь игриво подпрыгивал в воздухе, всем своим видом показывая, что ему не терпится отправиться в путь.

Когда все было готово, Беллерофонт сел на Пегаса и поднялся миль на пять вверх, чтоб лучше видеть путь, который предстояло преодолеть: он всегда делал так, отправляясь в далекое путешествие. Затем он повернул Пегаса на восток и пустился в Ликию. По дороге они нагнали орла и, прежде чем тот успел посторониться, так близко пронесли мимо него, что Беллерофонт мог легко поймать птицу за лапу. Они мчались вперед с такой быстротой, что еще на восходе увидели высокие горы Ликии, изрезанные глубокими мрачными ущельями, в одном из которых, как полагал Беллерофонт, жила отвратительная Химера.

Близок был конец их путешествия: крылатый конь со своим седоком начал медленно спускаться под прикрытием облаков, окутывавших горные вершины. Спрятавшись за облако и осторожно выглядывая из-за него, Беллерофонт как на ладони видел всю Ликию. Сначала он не заметил ничего особенного в расстилавшейся перед ним стране, покрытой холмами и скалами, и, только приглядевшись, увидел ряды сожженных хижин и трупы коров и лошадей, которые усеивали бывшие пастбища.

«Наверное, все это наделала Химера, – подумал Беллерофонт. – Но где же это чудовище?»

Как я уже упоминал, с первого взгляда нельзя было заметить ничего особенного, кроме трех струек черного дыма, зловеще поднимавшихся откуда-то из пещеры. Сама пещера располагалась как раз под крылатым конем, находившимся на высоте около тысячи футов над землей. Медленно поднимавшийся кверху дым обладал необычайно удушливым запахом, заставившим Беллерофонта чихать, а Пегаса – фыркать. Серный смрад был так неприятен чудесному коню, который привык дышать самым чистым воздухом, что он взмахнул крыльями и чуть не на полмили отлетел в сторону.

Однако, оглянувшись назад, Беллерофонт увидел нечто такое, что заставило его дернуть за узду и повернуть Пегаса обратно. Он сделал знак крылатому коню, после чего тот стал медленно опускаться, пока не спустился до высоты человеческого роста. Прямо перед ними, на расстоянии брошенного камня, был вход в пещеру, откуда тянулись струйки дыма. И знаете, что увидел там Беллерофонт?

Странные ужасные существа копошились внутри пещеры. Их тела так близко соприкасались друг с другом, что Беллерофонт не мог понять, где начинается одно и заканчивается другое: судя по головам, одно из этих чудовищ было огромной змеей, другое – свирепым львом, а третье – безобразным козлом. Лев и козел спали, а змея бодрствовала, широко раскрыв огненные глаза. Но что всего удивительней – три ленты дыма, по-видимому, исходили от этих трех голов! Зрелище было таким странным, что Беллерофонт не сразу догадался, что попал в пещеру ужасного трехглавого чудовища, Химеры, хотя он и готовился к встрече с ней. Змея, лев и козел не были, как он предполагал ранее, тремя отдельными существами, они составляли одно целое!

Злая, омерзительная тварь! Прежде чем две головы ее погрузились в сон, она сожрала бедного ягненка или, может быть, – о чем страшно подумать! – какого-нибудь маленького мальчика, так как в ужасных когтях чудовище держало чьи-то окровавленные останки!

Вдруг Беллерофонт вздрогнул, словно пробудившись ото сна, и понял, что имеет дело с Химерой. Пегас, казалось, тоже понял это, потому что издал короткое ржание, напоминавшее призывный звук трубы. Заслышав его, все три головы Химеры разом поднялись, извергая снопы пламени, и прежде чем Беллерофонт успел сообразить, в чем дело, чудовище выскочило из пещеры и бросилось на него, выпустив свои страшные когти и зловеще крутя змеиным хвостом. Если бы Пегас не отличался быстротой птицы, оба – и конь, и всадник – неминуемо погибли бы от когтей Химеры, и битва кончилась бы раньше, чем началась. Но крылатого скакуна не так-то легко было застать врасплох. В мгновение ока он взмыл в воздух, чуть не под самые облака, фыркая от злости и дрожа не от страха, а от отвращения к омерзительному трехглавому чудовищу.

Химера тоже поднялась на кончике хвоста и, яростно суча лапами, извергла снопы пламени из всех трех пасть. Боже, как страшно она ревела, шипела и блеяла! Беллерофонт выставил щит и обнажил меч.

– Теперь, дорогой мой Пегас, – прошептал он на ухо крылатому коню, – ты должен помочь мне убить эту отвратительную гадину или тебе придется вернуться на вершину горы Геликон одному. Либо

Химера погибнет, либо отхватит мне голову, которая столько раз покоилась на твоей шее!

Пегас заржал и нежно потерся мордой о щеку Беллерофонта, словно желая сказать, что даже обладая даром бессмертия, он, скорее, предпочел бы погибнуть, чем лишиться друга.

- Спасибо тебе, Пегас - ответил Беллерофонт. С этими словами он дернул за узду, и Пегас стрелой бросился на Химеру, которая старалась как можно выше подняться в воздух. На расстоянии вытянутой руки Беллерофонт нанес чудовищу первый удар, но не успел заметить, удачен он был или нет, так как Пегас круто развернулся и несколько мгновений двигался в противоположную сторону. Однако вскоре крылатый скакун повернул и помчался назад, пока не очутился на прежнем расстоянии от Химеры. Беллерофонт увидел, что ему почти удалось отрубить козлиную голову чудовища, которая теперь едва болталась на обрывке кожи и казалась совершенно безжизненной.

Змеиная и львиная головы, которым словно передалась свирепость отрубленной головы, извергали огонь и ревели с еще большим остервенением, чем прежде.

- Ничего, мой храбрый Пегас, - воскликнул Беллерофонт, - если второй удар окажется не менее мощным, мы прекратим либо рев, либо шипение! И он снова тронул узду. Крылатый конь столь же стремительно бросился на Химеру, и новый страшный удар обрушился

на голову чудовища. Однако на этот раз ни Беллерофонт, ни Пегасу не удалось отделаться так счастливо, как раньше. Одной лапой Химера сильно оцарапала юноше плечо, а другой повредила левое крыло лошади. Но Беллерофонт поразил львиную голову чудовища, и она бессильно повисла, испуская густые клубы черного дыма, вместо огня. Зато единственная оставшаяся теперь змеиная голова стала вдвое свирепее и ядовитее, чем раньше. Она извергала столбы пламени длиной в пятьсот ярдов и шипела так громко, яростно и пронзительно, что царь Иобат, находившийся за пятьдесят миль отсюда, дрожал и трясся на троне. «Горе мне, - думал бедный Иобат, - это, верно, Химера идет пожирать меня!»

Между тем Пегас снова остановился и сердито заржал, смотря на врага пылающими глазами. Как не похож был этот огонь на пламя, вылетающее из пасти отвратительной Химеры!

- Ты окровавлен, мой бедный конь! - воскликнул юноша, забыв о собственной ране при виде страданий благородного животного, которому никогда ранее не приходилось испытывать боли. - Химера поплатится за это своей последней головой!

Дернув за узду, он с громким криком направил Пегаса прямо на дышащее злобой чудовище. Нападение было молниеносным, и только яркие вспышки пламени говорили о том, что Беллерофонт сцепился со своим врагом.

Потеряв вторую голову, Химера окончательно расสวิрепела. Она так яростно металась по земле и по воздуху, что было трудно сказать, где она находится. При этом она необычайно широко раскрыла змеиные челюсти, так что Пегас даже с расправленными крыльями мог бы целиком уместиться там вместе со своим седоком. Завидев Беллерофонта, чудовище выдохнуло столб пламени, опалив крылья Пегаса и золотистые кудри юноши. Раскаленный воздух сделался совершенно невыносимым, но все это было ничто по сравнению с тем, что последовало далее.

Когда крылатый конь очутился на расстоянии сотни ярдов от Химеры, чудовище бросилось вперед и мертвой хваткой вцепилось в бедного Пегаса, обрушившись на него всей тяжестью огромного отвратительного тела и скрутив змеиный хвост узлом. Крылатый скакун взмывал все выше и выше, выше горных вершин и облаков и почти скрылся из вида, но порожденный землей монстр не разжал лап и уносился вверх вместе с ним. В следующий миг Беллерофонт оказался лицом к лицу с уродливой мордой Химеры, и только вовремя поднятый щит спас его от сожжения или съедения. И теперь сквозь верхнюю кромку щита он смотрел в дикие глаза чудовища.

Но Химера настолько обезумела от дикой боли, что перестала соблюдать всякую осторожность. Что ж, быть может, лучший способ сражаться с Химерой – это подойти к ней как можно ближе? Стремясь растерзать Беллерофонта своими железными когтями, чудовище оставило открытой собственную грудь. Заметив это, Беллерофонт по самую рукоятку вонзил меч в ее жестокое сердце.

Узел змеиного хвоста медленно развязался. Чудовище отпустило Пегаса и со страшной высоты упало на землю, в то время как огонь в его груди, вместо того чтобы потухнуть, начал быстро пожирать мертвое тело.

Так как Химера упала с неба ночью, ее могли принять за падающую звезду или комету. На следующее утро отправлявшиеся на работу крестьяне были немало удивлены, увидев, что земля покрыта черным пеплом. Посередине поля белела груда костей, значительно превосходившая вышиной стог сена. От Химеры не осталось больше ничего!

Одержав победу, Беллерофонт нагнулся и со слезами на глазах поцеловал Пегаса.

– А теперь, мой славный конь, – произнес он, – возвращаемся к источнику Пирены!

Пегас помчался к цели со всей быстротой, на которую только был способен, и вскоре они очутились у источника. Как и в прошлый раз у источника стоял старик, селянин, пригнавший корову на водопой, и хорошенькая девушка с кувшином.

– Я припоминаю теперь, – произнес старик, – как-то раз, когда я был еще совсем мальчиком, мне посчастливилось видеть крылатую лошадь, но тогда она была в десять раз красивее.

– Моя ломовая лошадь стоит дороже трех таких скакунов, – произнес селянин. – Если бы этот пони был моим, я бы первым делом обрезал ему крылья!

Только девушка ничего не сказала, так как она очень часто пугалась без всякого повода. Вот и на этот раз она убежала, от страха уронив и разбив свой кувшин.

– А где же мой маленький друг? – спросил Беллерофонт. – Он никогда не сомневался в существовании Пегаса и любил смотреть в воду источника.

– Я здесь, милый Беллерофонт, – тихо произнес ребенок.

Мальчик целые дни проводил на берегу Пирены, ожидая возвращения Беллерофонта, но, увидев юношу спускающимся с облаков на крылатом коне, он в первую минуту страшно смутился и бросился в кусты. Робкий и застенчивый ребенок боялся, что старик и селянин заметят слезы на его глазах и примутся насмехаться над ним.

– Ты победил! – воскликнул он радостно, подбегая к Беллерофонту, который все еще сидел на Пегасе. – Я знал, что так и будет!

– Да, дорогое дитя, – отвечал Беллерофонт, слезая с крылатого коня. – Но если бы не твоя вера, я бы никогда не дождался Пегаса, не летал над облаками и ни за что не победил ужасную Химеру. Только

благодаря тебе, мой маленький друг, мне удалось сделать все это. Ну, а теперь пора дать Пегасу свободу.

С этими словами он снял с чудесного коня волшебную узду.

- Ты свободен, Пегас! - печально воскликнул юноша. - Будь же так свободен, как и быстр!

Но Пегас положил голову на плечо Беллерофонта и, по-видимому, вовсе не собирался улететь.

- Ну, хорошо, - произнес Беллерофонт, поглаживая воздушного скакуна, - оставайся со мной, если хочешь. А теперь полетим к царю Иобату, надо сообщить ему, что Химеры более не существует.

Обняв мальчика и обещав ему в скором времени вернуться, Беллерофонт вскочил на Пегаса и умчался.

Впоследствии этот мальчик поднимался на воздушном коне гораздо выше Беллерофонта и совершил много более славных подвигов, чем победа его друга над Химерой. Тихий, ласковый и задумчивый, он стал великим поэтом!

